

Поисковые Добровольцы

Нашли. Но не всех

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Поисковые Добровольцы Нашли. Но не всех

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73547873

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга – о поиске пропавших людей. О тех, кого нашли. И о тех, кого – нет.

Вы узнаете, как на самом деле работают поиски: почему нельзя ждать «три дня», как деменция меняет поведение человека, почему фейки в соцсетях могут стоить жизни, как ищут ночью и зимой, и что происходит, когда техника бессильна.

Но эта книга – не инструкция. Это разговор о людях: о пропавших, о тех, кто их ищет, и о тех, кто остаётся ждать.

О волонтерах, которые идут в лес после работы.

О семьях, которые заваривают чай и не спят, пока кто-то не вернется.

О решениях, принятых за секунду, и последствиях, которые остаются навсегда.

«Нашли. Но не всех» – честная и бережная книга о человеческой уязвимости, ответственности и надежде. Книга, которая не пугает, но учит внимательности. Не обвиняет, но заставляет задуматься. И напоминает: иногда одного звонка, одного шага или одного решения достаточно, чтобы кто-то вернулся домой.

Содержание

Предисловие	4
Нахрена люди идут в волонтёры	5
Про любовь к людям	6
Трёхлитровка	7
«Орут они, мешают! Я, может, спать легла!»	8
«Я слышу только дыхание»	9
Бобёр ебанный	11
Пирожки	13
Полигон	15
На дне	18
Дрозды	20
Лось	22
Про деньги	23
Любовь	24
Супергерои	25
Стул на колёсиках	27
«Сам найдётся»	28
Пара кнопок	29
По своей воле	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Поисковые Добровольцы Нашли. Но не всех

Предисловие

Эта книга – не о потерях. Хотя в ней есть боль, усталость, растерянность и тишина, после которой звенит в ушах.

Эта книга – о людях, которые идут туда, где страшно. О тех, кто не задаёт вопроса «зачем», потому что просто не может иначе. О тех, кто ищет.

Каждая история здесь – реальна. Взята не из заголовков новостей и не из сериалов про спасателей, а из земли, ветра, рации и мокрых ботинок. В этих текстах – ночь, холод, комары, сбившийся след, звонки, слёзы и самое дорогое слово: нашёлся.

Эти истории – не о пропавших. Они о нас, живых, которые не могут пройти мимо.

И если, читая, вы хотя бы раз подумаете: «А ведь я мог бы помочь» – значит, всё было не зря.

Спасибо тем, кто рядом.

Нахрена люди идут в волонтеры

Кто-то говорит – «хочу помочь», кто-то – «искать смысл жизни», кто-то – «делать что-то важное, а не сидеть на диване». Но если честно, в первые пару выездов ты вообще не думаешь про героизм. Ты думаешь – “блин, ну нахрена я в этот холод/грязь/лес полез?”

А потом тебя спрашивают: «Ну что, пойдёшь ещё?»

А ты киваешь. Хотя задница отмёрзла, и ты всё ещё не понимаешь – нашли или нет.

Про любовь к людям

Если волонтер-поисковик говорит, что занимается этим, потому что *очень любит* людей – у меня для вас две версии.

Либо он ещё ни разу не лазил по болотам под ливнем, не ночевал трое суток у ноута, когда кофе в крови уже больше, чем самой крови.

Либо он пиздит.

Нет, исключения бывают. Но это уже почти святые, а не большинство.

Теперь про любовь.

Невозможно *любить* человека, который самовольно полез в лес, по глупости или самоуверенности, заблудился – и теперь ждёт, пока его спасут.

Он своей тупостью лишил тебя сна, отпуска, нормальной еды, загнал тебя в жижу по пояс. А ты его любишь? Да ну нах...

Пропавшего можно жалеть. Можно сопереживать. Можно искренне хотеть, чтобы всё закончилось хорошо.

Но это не про любовь. Это про другое.

Совсем другое дело, если речь идёт о старике с деменцией. Или о ребёнке. Но об этом – потом.

Трёхлитровка

Искали мужика – ушёл и не вернулся. Лес, дожди, болота – всё как обычно. Штаб поставили в деревне, местные пришли помогать – кто с ногами, кто с инфой, кто просто почувствовать. И тут идёт она.

Маленькая, сухонькая бабушка. Через всю деревню тащит трёхлитровую банку компота. Двумя руками, аккуратно, как будто стеклянное сердце несёт. Подошла, поставила, говорит тихо:

«Больше ничем помочь не могу... прости, сынок».

И извинилась. Реально – извинилась.

То есть человек через всю деревню пёр тяжеленную банку ради абсолютно незнакомых людей. Понимаете?

И всё. Повернулась и пошла обратно.

А мы стоим – взрослые, уставшие, грязные – и молчим. Потому что в этот момент стало ясно, зачем всё это. И ради кого.

Если и есть на свете настоящая человечность – то вот она. В банке компота, в трясущихся руках и в тихом «прости».

Подвиг, подвиг... Вот вам подвиг. Не на камеру, не в бронзе. Настоящий. Без оркестра. В фартуке.

Мужика потом нашли погибшим.

Но этот компот я не забуду никогда.

«Орут они, мешают! Я, может, спать легла!»

Три дня искали бабку. Лес даже не прокричали – проорали до сорванных голосов, болота проверили, волонтеры без сна, без нормальной еды, с ног валяются.

На третий день нашли – в целости и сохранности, сидит в кустах. Причем мы мимо этих кустов ходили и звали её. Нога болит, но жива.

– А что ж вы не отзывались? – спрашиваем. – Мы ж кричали, как могли!

– Так я думала, психи какие. Идиоты какие-то по лесу бродят, орут... Чего я к ним пойду?

Сидела тихо, чтобы не выдать себя.

Три дня.

Без еды, почти без воды, с больной ногой – зато гордая, что *никому не поддалась*.

Потом уже посмеялись. Тогда – было не до смеха. Потому что, пока она пряталась, у кого-то другого время шло на часы. И мы, уставшие, могли бы быть там.

«Я слышу только дыхание»

Полвторого ночи.

Я уже почти легла, отработала одну заявку – и тут сразу две новые. У меня в голове мелькает: «ну нет, я в шесть тридцать встану на работу, хоть пару часов поспать надо».

Но если ты ЛНС – ты не спишь.

Потому что кто-то сейчас в тёмном лесу совсем один. И у него не будет завтра, если ты сегодня выключишь телефон.

Заявка – пожилая пара, заблудились.

У бабушки диабет, она без инсулина. Телефон один на двоих, и тот не в сети.

Прозваниваю. Пусто.

Прозваниваю внука. Говорит – она успела сказать, что они в болоте. Всё. Ни координат, ни маршрута.

Обычная лесная тьма. Чёрная, глухая, вязкая.

Наконец – дозваниваюсь. Шесть секунд связи.

ШЕСТЬ.

Она говорит только одно:

– «Мы увязли. Слышим сирену. Темно. Идти не можем».

И всё.

Обрыв.

Я сижу и тупо смотрю в экран. В этот момент ты ничего не можешь. Ни побежать, ни выдохнуть.

Передаю заявку в регион. Там ребята собирают пешие

группы, поднимают коптер. Я остаюсь на связи. Точнее – в её отсутствии.

В 3:30 звонок. Три минуты.

Она рассказывает маршрут. Я выжимаю из этих слов максимум. Передаю всё в координаторский штаб. Они сужают зону, меняют задачи.

Снова связь. Новые ориентиры. Снова сбрасываю всё ребятам в поле.

И только в 6:20 – коптер ловит их на видео. Они уже не сидят, а бродят по болоту, срываются. Поисковая группа выдвигается. Почти два часа болота. Бабушку выносят – у неё сахар зашкалил до 40.

Скорая. Живы.

А я сижу у себя дома. На стуле. В наушниках. Вся ночь в голове как жвачка, тугая и безвкусная. На следующий день она мне звонит – и говорит спасибо. И я понимаю, что в эти шесть секунд тогда не просто был голос.

Там было дыхание.

И я это дыхание сохранила.

Бобёр ебаный

На поиск пришёл дядечка. То ли из администрации, то ли депутат – не суть. Весь с иголки: жилет, рация, налобник, ботинки на сто тыщ, лицо с плакатов «мы рядом».

– Помогать хочу, – говорит.

Ориентировки клеить? Фу, не для него. Он в лес пойдёт. Ну, в лес – так в лес.

В штабе переглянулись, вздохнули. Поставили дядю в группу к прекрасной барышне *О*. Кто не знаком с ней: у этой девушки в голосе и походке одновременно GPS, мачете и полное отсутствие жалости. Пусть покажет человеку, где у леса начинается настоящее геройство. Координатор ставит задачу: марш-бросок по всей жопе леса. Маршрут – сразу в самые ебеня.

И вот *О*. ведёт дядю.

Через чашу, завалы, бурелом. В те дебри, где даже у леса глаза округляются. Через кусты, под валежник, по сырому мху, с хрустом веток под ногами и паутиной на лице.

Депутат молчит.

Сначала просто дышит тяжело, потом начинает отставать.

Паутина липнет к щекам, ветки хлещут в лицо. Рация молчит, а у него в глазах – лёгкий ужас. Где-то между «я не знал» и «зачем я сюда пришёл». Через час он уже не дышит, а шипит. Потом просто тащится сзади. Потом – умирает гла-

зами.

На середине задачи сдувается совсем.

О. молча разворачивает группу и выводит. Спокойно, как будто это не она только что тащила через бурелом туриста выходного дня.

Возвращаются в штаб.

Шум, суета. Кто-то приходит, кто-то уходит.

О. заходит. Её спрашивают:

– Ну чё, ну как?

И она, всё ещё пыльная, с репейником в волосах, тихо отвечает своим знаменитым бархатным голосом:

– Паутину на ебло намотал. Пауков пожрал. Ветками получил. Сук погрыз... бобёр ебанный!

С тех пор «бобёр е*анный» – не просто слова. Это метка. Это диагноз. Это когда ты хотел подвигов – а оказался в лесу. На задаче. С обычными поисковиками.

Пирожки

Пацан, 25 лет, особенности развития. Вышел – и как сквозь землю. Ни камеры не поймали, ни бабка с лавочки не вспомнила.

Мать не спит. Она сама шныряет по подвалам, чуть ли не в коллекторы лезет. На глазах у нас засыпает стоя и просыпается в крике.

Мы оконтуриваем воду, чешем дворами, изучаем каждый куст. Город ориентировками заклеен до состояния «если ты собака, и на тебе нет орки – ты как оказался в этой богом забытой дыре?».

Про пацана я знаю всё: от размера кроссовок до того, ели он в детстве варёный лук. (Ответ: нет, плевался.)

Первая ночь – пусто. Вторая – глухо.

Штаб развёрнут прямо у дома. Карты местности в пяти вариантах, сигареты, кофе, нервы. Сидим, молчим. Я просто поднимаю глаза на подъезд, чтоб не задремать.

И вижу. На лавочке сидит. Он.

Подхожу.

– Ты где был, солнышко?.. – Гулял. Потом к бабушке пошёл. Пирожки ел.

– Гулял. Потом к бабушке пошёл. Пирожки ел.

– Какой бабушке?!

– Ну... я не знаю...

Выясняется: какая-то сердобольная старушка увидела, как по району шатается великовозрастный лось с лицом «я потерялся». Утащила его к себе. На пирожки. Постирала ему майку, накормила, уложила. Сидит он у неё, балдеет.

Потом – бах! – она в магазине на доске видит его фотку. Испугалась, дала ему денег на автобус и выгнала.

Как он добрался обратно – вообще загадка. Автобусами он не пользовался никогда. В принципе.

А он пришёл. Сел. Смотрит на нас, как будто это мы потерялись.

Живой. Целый. Сытый.

Бабку для профилактической беседы найти не удалось. Хотя очень хотелось. Обнять, блин.

Полигон

Задача, казалось бы, стандартная: дед, СНТ, деменция. Рядом лес, рядом кладбище – классика.

Координатор даёт вводную паре волонтеров:

– Лесочек пройти, тропы осмотреть. Полигон – оконтурить.

Сказано спокойно, без нервов – как будто никто ещё никуда случайно не влезал.

В двойке – два подхода к жизни.

Одна – уверенная в себе девушка. Помнит, что где-то тут хотели строить мусорный полигон. То есть не военный, не стреляют, не опасно. Всё, можно идти.

Второй – новичок, но с нормальной долей тревожности:

– А почему тогда колючка и забор?

– Потому что оборудование дорогое.

– А чего мусором не пахнет?

– Потому что, блин, переработка пластика. Ты бы ещё спросил, почему лампочка светится.

Идут. Тьма. Топь. Лес местами похож на постапокалипсис. Вдалеке сторожка и фонарь. Цепочка логики: сторожка → сторож → спросим → объясним → найдём деда → молодцы.

И тут сзади – *вуууууууишишишиши*. Сигналка орёт так, будто волонтеры по колено залезли в секретные данные.

Новичок, ни на кого не надеясь:

– СТОЙ!

– Чего?

– Просто стой.

– Да ты что, я только спросить...

Логика простая: когда сзади кричат «стой» – лучше стоять. Особенно если твоя уверенность не подтверждена ни спутниковыми данными, ни разрешением на проход.

Стоят. Ждут. Хлопают двери. Кто-то выходит. Девушка делает презентацию в духе TED Talk:

– ЗДРАВСТВУЙТЕ! МЫ ПОИСКОВО-СПАСАТЕЛЬНЫЙ ОТРЯД, ИЩЕМ ДЕ...

– КАКОЙ НАХУЙ ОТРЯД?! ЭТО ВОЕННАЯ БАЗА! – отвечает человек с отсутствием толерантности к входящим.

Стоят. Обтекают, как свежие грибы после дождя. Уже не особо уверенная в себе девушка отбивается в рацию:

– Штаб, мы тут... ну... прилипли на военной базе. Всё норм, живы. Отобьюсь позже.

Где-то в штабе координатор падает с сердечным приступом.

Охранник машет рукой:

– Валите!

И они валят. Молча. Через тропы. Через говно. Через стыд.

И только потом, когда всё уже чуть отлегло, новичок буднично, будто обсуждает цену на гречку:

– Ты в курсе, что пока ты махала фонариком, мы были на мушке у шести автоматчиков?

Задачу добивали молча.

На дне

Искали бабушку с деменцией. Поиск, как водится, был... тот ещё: ночь, лес, типичный ноябрь и ноль зацепок. Территория – как по учебнику: с двух сторон дороги (их по камерам отсекли), карьер, кладбище, речка и лесочек. Всё, больше некуда. Ну лесочек, значит, и начали выносить.

А лесочек – он не против, чтоб его выносили. Хоть сутками. И люди честно, по всем канонам, его и кричали, и тропы вышагивали, и вглубь, и вдоль, и на коленках – ни бабки. Ноль. Пусто. Земля её, блин, проглотила. Уже и варианты кончились, и силы, и кофе, и запал. Где-то к шести утра все ходят, как выжатые тряпки – грязные, злые, голодные, но при этом не могут просто взять и остановиться.

И вот один волонтер натывается на бетонный колодец. Не люк, не канализация, а прям такой, полноценный – с дырой вниз. Заглядывает, а там ёжик сидит. Ну просто: ёжик. Маленький, круглый, грязный, сидит себе такой, и в глаза глядит. Как будто он тоже ищет бабу. Пьеса Горького – «На дне».

И дальше начинается шоу. Потому что бабки нет, ощущение бессилия – дикое, что-то надо сделать. И вот человек пять, а может и шесть, начинают спасать ёжика. Кто-то кинул верёвку. Кто-то притащил доску. Ёжику кивают, уговаривают: «Выходи, брат, мы тебя не обидим». А он на всё

это глядит с таким видом, будто говорит: «Вы че, ебанулись? Мне тут норм». Но люди уже завелись. Один залез в колодец. Ёжика подняли, передали, вынесли, поставили... и тут он как дал дёру. Такой скорости у ежа не видел никто. Вообще никогда. Как будто у него не лапы, а копыта, и не хвост, а реактивный двигатель. Он влетел в лес, как капитан Гастелло.

И знаете, никто даже не разозлился. Потому что в ту минуту это была единственная победа за всю ночь. Маленькая колючая победа.

А бабулю потом нашли. Но это уже другая история.

Дрозды

Прошлым летом я выяснила, что возле моего дома живут певчие дрозды.

Выяснилось это на четвёртую или пятую бессонную ночь, которую я проводила за ноутбуком – ставила ориентировки, писала отчёты, отвечала в рабочий чат, держала на линии родителей, связывала группы. Это как дирижировать в темноте оркестром, где каждый сам себе инструмент и ещё иногда звук пропадает.

Днём – шум машин, люди на улице, кто-то сверлит, кто-то слушает музыку на балконе. Дроздов не слышно. Всё глушит. А вот примерно в 4 или 5 утра, когда солнце ещё только-только встаёт, когда город выдохнул и застыл на пару часов до нового дня, когда в чате отряда на какое-то короткое время тишина – они начинают петь.

Я встала, вышла на балкон, закурила. Отключила ноутбук, положила подальше телефон. Пять-семь минут – без звуков телеграма, без пингов, без чата с роднёй. Просто тишина. И дрозды.

Я реально залипла. Они поют охрененно, кто бы мог подумать. Так звонко, искренне и так не по-человечески точно, как будто знают что-то важное, а сказать не могут, поэтому поют.

И потом уже, в другие такие же ночи, когда всё снова – за-

явки, ориентировки, паника, усталость, «а давайте всё сначала» – я всё равно выходила на балкон. Ровно в это же время. И снова слушала. Дрозды были всегда.

Лось

На поиске главный один – координатор. Точка. Даже председатель отряда, если приехал, встаёт в строй и слушает, а не играет в «самый умный».

Но однажды нам попался экземпляр, ммм... назовем его директором. И вот на поиске этот директор решил, что он – бог войны, Наполеон и шаман GPS в одном лице. Координатор удалённо даёт задачу: прочесать конкретное место. Наш «бог» машет рукой:

– Да ладно, я знаю лучше.

И тащит людей в чашу, через мордохлёт, туда, куда дед с деменцией пошёл бы только в случае ядерной эвакуации. Там даже трезвый грибник трижды подумает, прежде чем лезть.

Итог? Деда нашли спустя неделю. Ровно там, куда координатор поставил задачу в первый же день.

Неделю родные могли бы уже спать после похорон, а вместо этого ждали, пока жара превращает тело в то, что мухи называют «шведский стол».

Кстати, именно за этот подвиг у него и появился позывной – Лось. За упёртость и талант ломиться в самое ненужное место.

Про деньги

- Сколько вы получаете за поиски?
- Нисколько.
- А за дежурства?
- Нисколько.
- А бензин кто оплачивает?
- Мы.
- Так вы ещё и платите, чтобы работать?
- Нет, мы платим, чтобы помогать.
- Да ладно, хоть что-то же капает?
- Капает... дождь, пот, иногда слёзы.

Нет премий, нет корпоративов с «тематическим дресс-кодом», нет карьерного роста и «надбавки за ночные». Есть усталость, грязь, порванные перчатки, кофе из термоса на капоте, комары размером с воробья и глаза того, кого ты нашёл живым. Вот это и есть зарплата.

В бухгалтерии не числится, но в душе идёт по разряду «деньги не купят».

Любовь

Бабуля, 78 лет. Дети и внуки заезжают каждый божий день. В субботу утром заехали – всё отлично, ба пышет здоровьем, чай пьёт, пирожки жует. Воскресенье – тишина. Никого. Телефон дома.

И тут у любого нормального человека в голове и перед глазами сразу пролетает фильм ужасов: «Вышла за хлебом и увезли на скорой?», «Похитили инопланетяне и требуют выкуп?» – всё сразу, за секунду. Начинаем работать.

Воскресенье – бабули нет ни в одной больнице.

Понедельник – ориентировки висят по всему городу, свидетелей нет.

Вторник – бабуля спокойно появляется в магазине. Смотрит на ориентировку на себя и, роняя тапки, бежит домой.

Оказалось... любовь. В воскресенье вышла погулять, познакомилась с дедушкой, зашла к нему в гости. А что? Влюблённые часов не замечают.

Теперь родня знакомится с дедом. Много думают. И, честно говоря, много офигевают.

Супергерои

В поисковом отряде нет супергероев. Со стороны люди в жилетках и с рациями могут выглядеть как спецназ. Или как люди со стальными нервами. Или с другим стальным органом. Но на деле никакой армии нет. Зато есть водитель маршрутки, который отработал 14-часовую смену и всё равно приехал. Есть бухгалтер, задолбавшийся после квартального отчёта. Есть мамочка в декрете, которая печатает ориентировки, пока ребёнок спит. Есть студент, который никогда не был в лесу, но идёт в цепочку. Кто угодно – кроме Суперменов и Бэтменов.

И все они – не герои.

Они просто пошли.

Никто не ждал момента «сделать великое». Они просто услышали про поиск, пришли и пошли. Вот и всё. Геройство здесь – в шаге из дома. В ночи, проведённой не за сериалом. Кто-то взял и пошёл звонить. Кто-то печатать ориентировки. Кто-то расклеивать их. А кто-то с ребёнком поехал патрулировать район. Дети, кстати, отлично спят в машине.

И в этом, честно говоря, куда больше силы, чем в любых подвигах. Потому что настоящий поиск держится не на исключительных людях, а на обычных.

И если ты думаешь: «Я бы не смог», – ошибаешься. Смог бы.

Просто надо один раз встать и пойти.

И просто подумай: сколько людей были найдены живыми только потому, что кто-то другой встал и пошёл.

Стул на колёсиках

Парень, 10 лет. Час назад не вернулся домой.

Мама стоит у подъезда, камеры не смотрела. В родительский чат не писала – сейчас, говорит, напишет. Друзья есть, но их не спрашивали. Дружит с одноклассницей – о ней тоже никто не подумал. Подъезд не проверяли. Лифт есть, но ремонт, вход с черного входа, там офисы... Заблудиться вроде не мог. До третьего этажа пешком.

Ну... блядь.

Через десять минут нашёлся. На третьем этаже. В офисе. Катался на стуле на колёсиках.

А можно все поиски такие?

«Сам найдётся»

– «Чего вы туда попёрлись? Он взрослый, сам вернётся».

– «Ну потерялся, ну и что. Есть же полиция».

– «А я бы не пошёл, у меня свои дела».

Это мы слышим чаще, чем «спасибо».

Знаете, что это на самом деле? Цинизм, перемешанный с равнодушием. Приятно? Нет. Но именно на этом фоне видно, кто нормальный.

Беда в том, что не все возвращаются сами. Даже если сам ушел – произойти может что угодно.

Поэтому идут добровольцы. Потому что знают: если не они – то никто. Они идут, чтобы человек не остался один в темноте. Чтобы мама не ждала зря. Чтобы был шанс.

Нет «сам найдётся». Есть только «нашли» или «не нашли». Вот и всё.

Пара кнопок

Сидишь за рулём, дорога пустая, вокруг никого. И тут – невнятная фигура на обочине. У тебя два варианта: «да мне показалось» или «нажать кнопку вызова». Девять из десяти выберут первое. И едут дальше. А дальше может быть уже поздно.

Спасение начинается не с квадрокоптера и не с тепловизора, а с простого звонка: «Ребят, кажется, там кто-то есть». Всё. Простое действие – и где-то кто-то уже дышит. Помощь не всегда выглядит как геройство. Иногда она – всего лишь пара нажатых кнопок.

И вот что важно: для того, кого нашли, эта «пара кнопок» значит всё.

На одном поиске именно так вытащили бабушку. Дальнобой ехал за двадцать километров от места пропажи – светят фары, на обочине что-то мелькнуло. Он просто нажал кнопку и позвонил. Даже ориентировку не видел. А это оказалась наша бабулечка, лежала без сознания. Успели спасти.

По своей воле

Иногда человек исчезает не потому, что потерял дорогу в лесу или не успел вернуться с прогулки. Иногда он уходит от дома, который для него больше не дом. От родителей, которые перестали быть защитой. От семьи, где нет тепла.

Со взрослыми всё вроде ясно: захотел – собрал рюкзак, хлопнул дверью и пошёл «искать себя». Но когда приходит заявка, мы обязаны её отработать. Потому что никто не знает: ушёл он в новую жизнь или споткнулся по дороге из старой. Был случай: мужчина поссорился с женой, ушёл под ливнем на станцию электрички, сорвался с насыпи – и оказался со сломанной ногой. Так и лежал. А если бы жена не стала искать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.